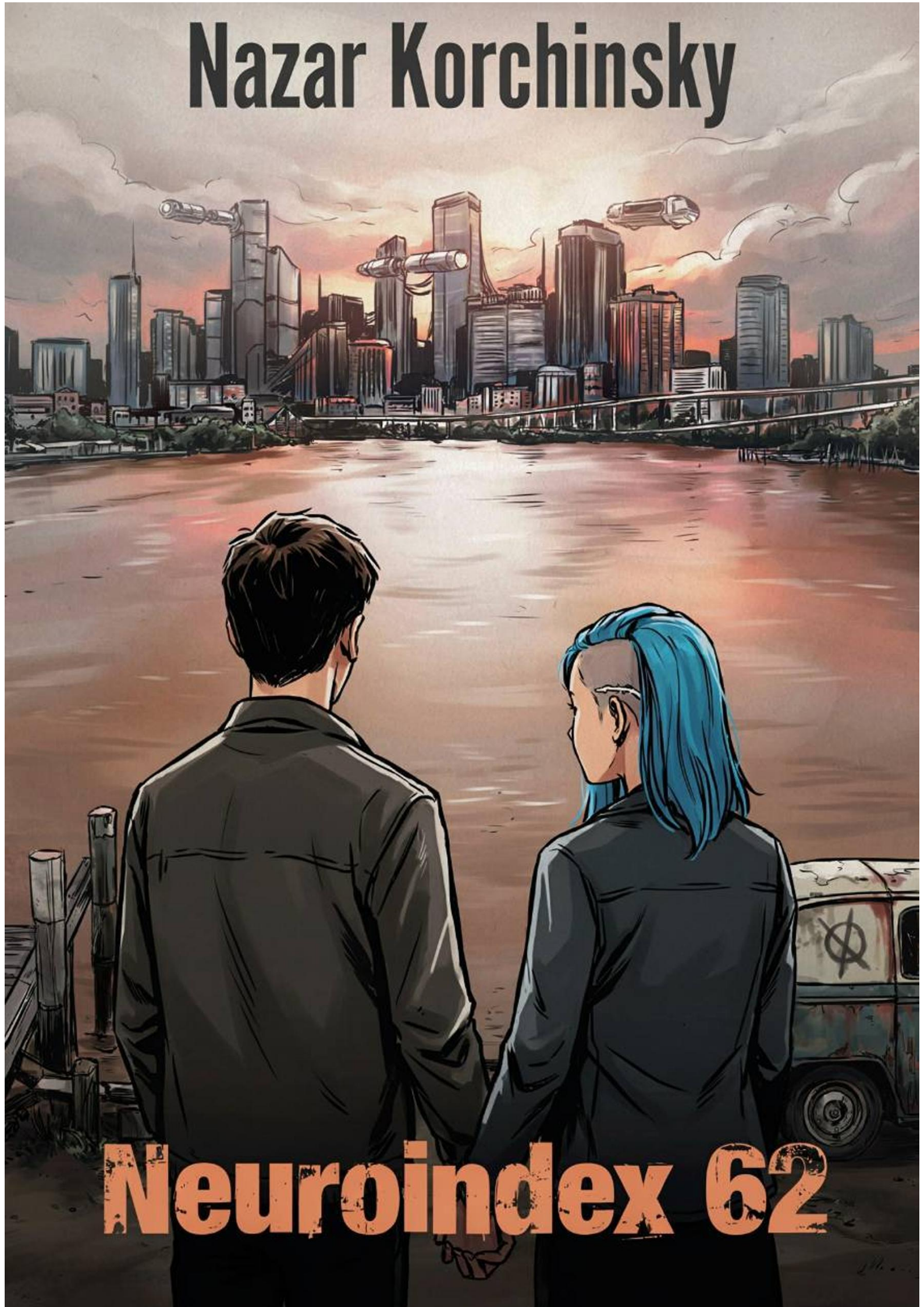

Nazar Korchinsky

Neuroindex 62

Летопись будущего

Назар Корчинский

Нейроиндекс 62

«Автор»

2026

Корчинский Н.

Нейроиндекс 62 / Н. Корчинский — «Автор», 2026 — (Летопись будущего)

2042 год. Мир нейроинтерфейсов, где свобода есть — но в рамках, заданных системой. Шестнадцатилетний Алекс Молт имеет тринадцать отклонений за споры с программой. У школьной стены он встречает Надин — девушку, которая вырезала интерфейс и живёт вне сети. Она показывает ему запрещённый фильм, способный разбудить город. Вместе они решаются на взлом — но система уже начала охоту. «Часть 62» — подростковая антиутопия о памяти и свободе, о выборе между системой и любовью, и о реке Миссисипи, которая течёт сквозь все главы.

Содержание

0	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Назар Корчинский

Нейроиндекс 62

0

За двадцать минут до рассвета река пахла илом и чем-то сладким — может, цветущими магнолиями, может, просто тёплой водой, прогретой за день. Огни даунтауна на том берегу дрожали в Миссисипи, как помехи на старом экране. Надин сидела на перевёрнутой лодке у самой кромки и смотрела, как течёт вода. Чёрная. Маслянистая. Живая. Она думала о том, что вода помнит всё: каждый отражённый луч, каждое лицо, склонившееся над ней. В отличие от системы, которая только стирала.

Цикады уже молчали — они замолкают перед рассветом, как будто знают, что скоро станет слишком жарко для песен. Небо на востоке только начинало сереть, но воздух уже был густым и влажным — такая духота бывает только в мае, перед грозой, когда всё замирает и ждёт.

Она достала сигарету. Зажигалка дала искру с третьего раза. Дым пошёл вверх и сразу растаял — ветра не было, он просто растворился в сыром воздухе.

Где-то на том берегу, в Алжире, зажглось окно. Одно. Пятый этаж, панельный дом у моста. Надин знала, кто там живёт.

Она нашла его неделю назад. Случайно — если можно назвать случайностью то, что она делала каждую ночь. Старый терминал в заброшенном дата-центре, доступ к архивам НейроСфер через дыру в протоколах безопасности — дыру, которую оставил кто-то из старых инженеров, может быть, такой же отступник, как она. Она не искала кого-то конкретного. Она искала всех. Всех, у кого было больше десяти отклонений. Всех, кого система пометила как «потенциально нелояльных». Всех, кто мог стать союзником — или целью.

Алекс Молт. Шестнадцать. Тринадцать отклонений. Мать мертва, отец неизвестен, тётя — офицер полиции. Нейроиндекс 89.4. На голографии — худой парень с тёмными волосами и взглядом, который даже на снимке выглядел так, будто он смотрит сквозь камеру. Не в объектив. Дальше.

Обычные цифры. Таких файлов она просмотрела десятки. Но в самом низу была пометка, которую система поставила автоматически и не смогла объяснить: «Субъект проявляет резистентность к стандартным протоколам коррекции. Природа резистентности не установлена». Такие пометки ставили редко. Обычно перед тем, как человек исчезал из системы навсегда. Надин знала это, потому что видела такие же пометки в других файлах. В файлах людей, которых уже не найти.

Она закрыла терминал в ту ночь и вышла из дата-центра. Но файл остался в памяти. Она возвращалась к нему каждый вечер. Перечитывала. Искала то, что пропустила. И не находила — но что-то не давало ей закрыть его и забыть. Что-то в этом парне с тёмными волосами и взглядом, который смотрит сквозь камеру. Как будто она уже видела его. Не в системе. Не в файлах. Где-то ещё. Может быть, на той же реке. В другом сне. В другой жизни.

На третий день она приняла решение. Школа Рузвельт. Восточная стена. Там камеры не достают — старая магнолия закрывает обзор. Она придёт туда и будет ждать. Может быть, он выйдет. Может быть, нет. Но она должна попробовать. Потому что если он — тот самый, о ком она думала все эти годы... Если он — ключ...

Она затушила сигарету о борт лодки. Достала из нагрудного кармана старую фотографию — чёрно-белую, выцветшую. Девушка у дерева. Улыбается кому-то за кадром. Надин смотрела на неё секунду. Убрала обратно. Она делала так каждый раз перед важным делом — как ритуал,

как молитву, как проверку: правильно ли она поступает? Фотография молчала. Как всегда. Но сегодня ей показалось — или уголки губ девушки дрогнули? Нет. Просто свет. Просто усталость.

С реки потянуло ветром — тёплым, влажным. Будет гроза. Она встала и пошла к фургону, припаркованному в заброшенном ангаре. Внутри пахло табаком, книгами и лавандой — она собирала её в заброшенных садах и сушила на верёвке над койкой. Лаванда перебивала запах ржавчины и солянки. Делала фургон почти домом.

Она села на койку. Достала из ящика старую схему — план школы Рузвельт, который она раздобыла месяц назад. Восточная стена. Слепая зона. Три дня. У неё было три дня, чтобы подготовиться. Собрать временный эмулятор. Проверить маршруты отхода. Изучить привычки охраны. Она делала это сотни раз. Но сейчас — впервые за два года — ей было страшно. Не за себя. За него. За того, кто ещё не знал, что за ним наблюдают.

Пора было собираться. Она завела фургон. Двигатель закашлял и заработал. Она выехала из ангара, оставив дверь приоткрытой — на случай, если придётся возвращаться быстро.

На том берегу свет в окне погас. Алекс Молт проснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.